

НЕИЗВЕСТНЫЙ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Иерей Гордей
ЩЕГЛОВ

Белорусская академия художеств — 1994; Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 2001; Минская духовная академия, кандидат богословия — 2004; магистр церковной истории — 2008; доцент — 2010; доктор церковной истории — 2015.

Всем, кто когда-либо интересовался историей Слуцка, особенно церковного, знакомо имя Федора Федоровича Серно-Соловьевича — автора исторического очерка «Древне-русский город Слуцк и его окрестности» (Вильна, 1896). Однако попытки разыскать об этом человеке хотя бы минимальные справочные сведения не принесут результата. Выясняется, что не только фамилия малораспространенная, но и известных ее носителей не так уж много. Самые знаменитые: русские революционеры XIX в. братья Александр Александрович и Николай Александрович Серно-Соловьевичи и их младшая современница — русская оперная певица Елена Михайловна Серно-Соловьевич. Но о Федоре Федоровиче никаких известий. А человек жил, трудился и даже оставил по себе литературную память. Именно это и послужило отправной точкой для нашего небольшого исследования о нем.

Прежде всего, необходимо сказать о написании фамилии Ф.Ф. Серно-Соловьевича. Ее двойной вариант он сам усваивал себе и своим предкам, таким же образом подписывал и свои публикации. Но в официальных документах и делопроизводственных материалах он и его родственники почему-то чаще всего упоминаются как Соловьевичи.

Итак, что же удалось собрать о Федоре Федоровиче? Родился он в 1856 г. в городе Дисна Виленской губернии в семье протоиерея, происходившего из старинного священнического рода. Отец слыл человеком глубоко религиозным, что и передалось его детям¹.

В семье Серно-Соловьевичей сохранялось любопытное предание о том, как императрица Екатерина II освободила из варшавской тюрьмы прадеда Федора Федоровича — священника Иоанна Максимовича Серно-Соловьевича. Согласно преданию, императрица на Пасху 1792 г. гостила в Варшаве у короля Станислава Августа Понятовского.

ТРУДЫ
№12

Минской духовной академии

После Пасхальной заутрени, «придерживаясь старинного обычая русских царей», государыня изъявила желание посетить узников, «томившихся в варшавской цитадели каземате». Обходя тюремные коридоры и раздавая подарки заключенным, императрица неожиданно услышала, как кто-то поет Пасхальный канон старинным знаменным напевом. Пение доносилось с нижнего этажа. На вопрос монахини, кто это поет, сопровождающие ответили, что это поп-схизматик из Литвы. Схизматиками католики и униаты называли православных. Императрица попросила отвести ее к заключенному. Но ее стали отговаривать: мол он сумасшедший, политический преступник... И только после того как Екатерина пригрозила, что пожалуется королю, ее нехотя проводили к «поп-схизматику». Спустились в подвал. И когда отперли железный засов камеры, перед императрицей предстал «седой старец в рубище». На вопрос монахини: священник ли он, тот ответил:

— Да, я священник российско-греческого исповедания из города Слуцка.

Императрица взяла у старца благословение и поинтересовалась, давно ли он в заключении и за что.

— Кажется, я ничего худого не сделал своему несвижскому князю Карлу Радзивиллу, по требованию которого был отправлен от своей паствы и родной семьи, схвачен как разбойник, заключен в кандалы и отвезен из Слуцка в Несвижский замок, где меня без всякого допроса продержали два года, а потом пешего под конвоем, в ножных кандалах отправили в Варшаву, бросили вот в эту камеру, в которой и томлюсь уже 30 лет.

— Семья у Вас, батюшка, есть? — поинтересовалась императрица.

— Была, а есть ли она на свете теперь — не ведаю: ни она ничего обо мне не знает, ни я о ней.

— Я сегодня же поговорю о Вас, батюшка, с королем и надеюсь сегодня же видеть Вас на свободе у себя во дворце. До свидания! — сказала императрица и снова взяла у священника благословение.

Вскоре после ее ухода в камеру узника принесли «обильный завтрак со стола русской государыни», а затем офицер в сопровождении двух лакеев принес старцу белье, обувь и полное священническое одеяние — подрясник, рясу и шляпу.

В полдень «поп-схизматик» был уже во дворце в покоях императрицы. Екатерина сообщила священнику выяснившиеся обстоятельства его заключения: он страдает за преданность Православной Церкви, за то, что удерживал своих прихожан от соращения в унию, его оклеветали перед князем Радзивилом иезуиты в том, что он якобы «обобрал свою Георгиевскую церковь в Слуцке». После этого императрица объявила старцу-священнику, что он совершенно свободен и может беспрепятственно возвратиться в свой родной Слуцк к семье. Сообщила, между прочим, что на его месте священствует старший сын Сампсон, окончивший курс в Киевской духовной академии.

— К нему Вы теперь отправляйтесь на покой да молитесь за меня грешную. Я сделала распоряжение, чтобы Вас отвезли в Слуцк в удобном экипаже на тройке лошадей, как подобает Вашему сану и Вашим преклонным летам. А от меня прошу принять прогонные деньги.

Императрица взяла со стола пачку ассигнаций и протянула ее отцу Иоанну, однако тот упал ей в ноги и обратился с просьбой:

— Не надо мне ни экипажа, ни лошадей; позвольте мне пешему, с котомкой за плечами, идти к себе на родину, чтобы по дороге прославлять имя великой и славной милостивой нашей царицы Российской Екатерины! Меня сюда вели в неволе в ручных

и ножных кандалах; здесь я сидел 30 лет взаперти; ноги мои желают теперь ходить; мало того, я буду весело идти, как ветхозаветный царь Давид пред санным ковчегом, радуясь его возвращению; я же обрадован своим воскрешением, своею свободой и твоими великими царскими милостями... позволь старику идти к себе домой пешком!

Императрица охотно согласилась исполнить просьбу священника, посоветовала ему собираться в дорогу и попросила зайти к ней еще раз напоследок. Окончив за два-три часа сборы, старец-священник вновь был у императрицы.

— Православному пастырю подобает иметь приличный посох, а потому прошу Вас, батюшка, принять от меня на память вот эту трость. — И государыня подала высокую толстую тяжеловесную деревянную трость с серебряным позолоченным набалдашником, на котором были выгравированы инициалы: I. I. M. C. (иерей Иоанн Максимович Серно-Соловьевич).

Щедро одаренный и обласканный императрицей Екатериной недавний узник отправился пешком из Варшавы в Слуцк. По пути он остановился для отдыха у одного дерева, а трость прислонил к стволу. Когда стал развязывать котомку, чтобы достать съестное, нечаянно толкнул трость. Та упала, издав странный звук, как будто что-то в ней брякнуло. Старик стал осматривать ее, открутил набалдашник и из деревянной полой трубки посыпались золотые монеты. Трость оказалась до половины наполненной червонцами. «Так щедро одарила русская Царица невинно пострадавшего православного пастыря», — писал Ф.Ф. Серно-Соловьевич, публикуя в 1896 г. это семейное предание к 100-летию со дня кончины Екатерины Великой! В подтверждение своих слов он сообщил, что трость с серебряным позолоченным набалдашником — дар императрицы — хранится в семье брестского протоиерея Василия Сампсоновича Серно-Соловьевича.

Красивая, трогательная история! Только вот незадача... императрица Екатерина II никогда не была в Варшаве, а тем более не могла быть там в 1792 г., поскольку Речь Посполитая находилась в состоянии войны с Российской империей. Да и зачем «проворовавшегося» случкого священника надобно было влечь в кандалах в Варшаву и заключать пожизненно в цитадели? И возникает вопрос: не вымысел ли вся эта история? Но, полагаю, не вымысел. История, бесспорно, имела реальную основу, хотя и обросла со временем невероятными подробностями и преувеличениями. И связана она, очевидно, с печально памятными для Слуцка событиями 1789 г.

В то время в Варшаве проходил чрезвычайный сейм, среди депутатов которого распространялось убеждение, что в восточных областях Речи Посполитой среди русского населения готовится бунт. Главное внимание было обращено на Переяславского епископа Виктора (Садковского), имевшего резиденцию в Слуцке. За ним установили наблюдение. А тем временем в его епархии происходили события, которые только усиливали подозрения правительства о вообразимой «русской» угрозе. С началом войны России со Швецией (1788) по распоряжению Святейшего Синода в церквях епархии преосвященного Виктора был распространен манифест с призывом возносить за богослужением молитвы об успехе русского оружия, чему антирусская партия придала политическую окраску и забила тревогу. По этому поводу у екатерининского правительства возникли трения с Варшавой, но дело кое-как уладили. Однако епископ Виктор продолжал получать из Синода указы: о совершении молебнов в связи с рождением в России Великой княжны, по случаю взятия русскими войсками Очакова; получил партию «сокращенных катехизисов», в которых находилась священническая присяга на верноподданство русской императрице. Варшавский сейм, крайне озабоченный «опасной» деятельностью епископа,

поручил князю Карлу Радзивиллу, владельцу Слуцка, собрать подробные сведения о подготовке восстания в этом городе — как главном месте пребывания русского архиерея. Несмотря на донесение службоного коменданта в Варшаву, что он «никакого подозрения на епископа и духовенство не имеет», Радзивилл приказал провести новое расследование. Тогда капитан надворных радзивилловских войск Дружаловский предоставил сейму лживый рапорт о якобы действительно имеющихся фактах подготовки народного выступления. Тогда сейм постановил арестовать епископа Виктора и доставить его для объяснений в столицу.

18 апреля 1789 г. преосвященного арестовали и вместе с ним еще нескольких приближенных лиц. Две недели арестованных продержали под стражей в Несвижском замке, затем отправили в Варшаву.

После взятия под стражу архиерея начались аресты духовенства. Позже в одном из донесений в Синод преосвященный, перечисляя поименно некоторых своих союзников, добавлял: «Да и прочие, как моя консистории канцелярские служители, так духовные и светские пастыри моя греческие неунитские исповедники по разным местам и судам в аресте содержаны и некоторые с оных в кандалы долговременно закованы были». Вот именно среди этих «прочих» и мог оказаться священник Иоанн Серно-Соловьевич. И мог быть предварительно заключен в Несвижский замок, а затем в кандалах доставлен в одну из варшавских тюрем — по общему делу о подозрении в организации бунта. Отсюда и звучало обвинение, что он политический заключенный.

Вместе с тем правительство предприняло ряд и других мер к предотвращению предполагаемого «бунта». От православного духовенства потребовали принести присягу на верность королю и Речи Посполитой, а также взяли обязательство не поминать за богослужением «заграничных государей

и князей». Причину требования присяги объясняли тем, что «как-де прежде в Польше была резанина единственно по поводу монахов и попов, то дабы и ныне того же не последовало». Учрежденные правительством специальные команды разрезжали по разным местам и приводили к присяге не только духовенство, но и народ. Вместе с тем масса простого люда, ни в чем неповинного, оказалась в заключении и томилась в крепостях. «Много тогда казнено было из простонародья» и «очень многих тогда повесили попусту».

Комиссия, назначенная для расследования дела о бунтах, в марте 1790 г. закончила работу и передала все материалы сейму. Хотя никаких доказательств вины подозреваемых лиц найдено не было, епископ Виктор (Садковский) все же признавался виновным в государственном преступлении, а значит подлежащим суду.

Решительно на судьбу заключенных повлияли меняющиеся политические обстоятельства. 3 мая 1791 г. на сейме партия реформ смогла принять Конституцию, вносящую ряд серьезных преобразований в существующий государственный строй. В самый разгар ее объявления все заключенные, взятые под стражу по делу о «русском» бунте, были переведены в новые более приличные места содержания, правда, кроме преосвященного Виктора.

Далее политические события разворачивались с калейдоскопической быстротой. Конституция 3 мая вызвала недовольство со стороны влиятельных противников реформ, которые спустя год образовали так называемую Тарговицкую конфедерацию. Желая вернуть старые порядки в Речи Посполитой, конфедераты обратились за военной помощью к Екатерине II. В середине мая 1792 г. русские войска под начальством генерал-аншефа М.В. Каховского вошли в пределы Речи Посполитой и к лету уже заняли значительную часть Киевского, Подольского, Виленского и Минского воеводств. Защит-

ники майской конституции выставили свое войско, но оно отступило перед русской армией, направлявшейся к польской столице. В виду надвигавшейся угрозы варшавский сейм поспешил покончить дело с арестованными представителями Православной Церкви. 29 мая сеймовый суд вынес окончательный приговор по их делу: часть заключенных признавалась невиновными и отпускалась на свободу, другие, хотя и были признаны причастными к замыслаемому «бунту», но в виду перенесенного трехлетнего заключения освобождались под поручительство. Была и третья категория лиц, которых суд признал главными заговорщиками, достойными полного осуждения, но оставлял окончательное решение их участи до более мирного времени. Этими лицами были епископ Виктор (Садковский) и еще несколько человек, однако и их по распоряжению короля вскоре отпустили на свободу. Итак, все арестованные в 1789 г. служкие священники в 1792-м обрели свободу и благополучно вернулись в Слуцк. В виде награды за свои страдания могли они получить и какие-либо подарки от имени императрицы. И священник Иоанн Серно-Соловьевич вполне мог получить в подарок трость с серебряным позолоченным набалдашником, с червонцами ли или без червонцев, неважно. Известно, что преосвященный Виктор без предварительного разрешения Синода, лишь по согласованию с русским послом, еще в Варшаве возложил на игуменов Киприана и Виссариона, а также священника Стефана Симоновича золотые наперсные кресты². Так он поспешил утешить разделивших с ним узы невинных страдальцев.

Престарелый игумен украинского Медведовского монастыря Виссарион сразу же после ареста «был закован в ножные кандалы» и по дороге в Варшаву таскаемый в Украине по разным судебным местам «почти везде в пути привязыван был за повозки, а на ночлегах приковыван к стене». Игумен Виссарион делил заточение с епископом Виктором «в несносном смраде» в Ченстоховской кре-

пости и вышел оттуда «с опухлыми ногами и так в жилах поврежденными, что едва ходить мог, кроме других чувствительнейших для здоровья повреждений». Священник Стефан Симонович содержался «в сырой каменице, за железной решеткой и четырьмя замками, в гладе, в хладе, в нечистоте и смраде; и сколько в невинности своей ни великодушествовал, однако, напоследок, оглох, повредил глаза и стал чувствовать боль в голове с непрестанным шумом».

Кстати, игумен Киприан и иерей Стефан оставили о своем варшавском заключении яркие воспоминания, которые позволяют представить, в каких условиях томились арестованные по делу епископа Виктора (Садковского). Даже трехлетнее заключение для многих из них оказалось тяжелейшим нравственным и физическим испытанием. Расскажем вкратце об узах священника Стефана. После однократного вызова для допроса на сейм он уже ни разу до самого освобождения не выводился из своего «узилища». Его содержали в цокольном этаже тюрьмы, которая называлась «ciężkie więzienie» (вспомним, что и священник Иоанн Серно-Соловьевич содержался в подвальном помещении). Пол в темнице был земляной, а сверху имелось небольшое окошко без стекол. Солома, брошенная в угол вместо постели, не менялась все три года, отчего со временем превратилась в труху. Одежда истлела и узник «нагой, как праотец Адам», зарывался в эту труху, чтобы согреться в сыром и холодном помещении. За три года он ни разу не мылся. Насекомые размножились в несметном количестве и терзали тело. Не с кем было и поговорить, так как ни с кем, кроме охранников, он не имел сообщения. Тоска давила и, чтобы хоть как-то утешать себя, отец Стефан молился и громко пел. Наконец, наступило долгожданное освобождение — неожиданное и счастливое. За несколько дней до того он слышал из своей темницы раздающийся по Варшаве бой барабанов и звуки музыки. Это вступили в польскую

столицу русские войска, посланные на помощь конфедератам. В день освобождения за узником прислали карету! В ней же доставили белье, одежду и обувь. Отец Стефан попросил бочку воды и впервые за трехлетнее пребывание в Варшаве вымылся. После этого возгласил: «Слава Тебе, показавшему нам свет», пропел «Слава в вышних Богу...», положил несколько земных поклонов, простился с пауками и мухами, делившими с ним долгое и томительное заключение, сел в карету и уехал к русскому послу.

Нечто подобное, видимо, пережил и священник Иоанн Серно-Соловьевич, о чем сохранилась память в его семье. Когда он вернулся в Слуцк, то был, надо полагать, в зрелых летах, не старик — еще служил приходским священником и имел прибавление в семействе.

Старший его сын — дед Федора Федоровича — священник Сампсон действительно служил тогда настоятелем служкой Георгиевской церкви. Как уже говорилось, он окончил курс Киевской духовной академии и, став на ноги, помог получить хорошее образование младшим братьям: двое окончили ту же академию, а третий — Слуцкую духовную семинарию³. Один из них, Федор Иванович⁴, даже занимал впоследствии должность прокурора Белорусско-Литовской духовной коллегии в Петербурге и лично был знаком императору Николаю I⁵.

Помимо настоятельства, священник Сампсон многие годы состоял помощником местного благочинного — служкого протопопа Иоанна Белозора, кстати, также разделившего варшавские узы с епископом Виктором (Садковским).

Когда Высочайшим указом 18 декабря 1797 г., регулировавшим и устройство консисторий, потребовалось, чтобы в консистории заседало равное количество членов черного и белого духовенства, священник Сампсон был включен в число консисторских заседателей. Напомним, что в Слуцке

в это время временно находились резиденция Минского архиепископа и Минская духовная консистория. Когда в августе 1799 г. архиерей вместе с консисторией переехал в Минск, священник Сампсон оставил должность консисторского заседателя. Ф.Ф. Серно-Соловьевич пишет, что именным Высочайшим указом Павла I священник Сампсон был награжден золотым наперсным крестом — наградой, какую еще даже в конце XIX в. имел редкий кафедральный протоиерей. Вскоре он был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным служких церквей.

Первоначальное образование Федор Серно-Соловьевич получил в Виленском духовном училище. В 1865 г. он уже перешел во второе отделение, когда инспектором училища стал иеромонах Смарагд (Троицкий) — человек, оказавший благотворное влияние на училищную жизнь. Об инспекторе, а затем смотрителе Смарагде Серно-Соловьевич сохранил самые теплые воспоминания. «Помню, — писал он позже, — нас, всех воспитанников, крайне удивило, что вновь назначенный к нам инспектор-преподаватель слишком молод, красавец собою, шатен, со сверкающими черными красивыми глазами, высокого статного роста, с прекрасными манерами — носит монашеский клобук»⁷.

Но тогда бурсакам-мальчишкам неведомы были причины, по которым молодой педагог решил облечься в монашеские одежды. А история иеромонаха Смарагда была такова. Когда Степан Троицкий, так звали его в миру, окончил Рязанскую духовную семинарию, старший брат священник-вдовец Михаил, учившийся уже в Петербургской духовной академии, решил уступить ему свой приход. Рязанский архиепископ Гавриил согласился отдать место Степану Троицкому с условием, что тот женится на бедной девице-сироте, которую сам порекомендовал. Выполнив условие, Троицкий был посвящен в сан священника и занял место брата. Но семейная жизнь его оказалась недолгой — на второй год иерей Стефан овдовел. Тогда

он решил поступить в Петербургскую духовную академию и идти по стопам старшего брата, который как раз в тот год ее окончил и постригся в монашество с именем Тихон. Это был будущий архиепископ Иркутский. Во время учебы в академии иерей Стефан Троицкий принял монашеский постриг с именем Смарага, а после ее окончания получил назначение на инспекторскую должность в Виленское училище.

Вместе с новым инспектором в жизнь бурсы пришли и новые порядки, а главное — милостивое и участливое отношение к воспитанникам. Как инспектор иеромонах Смарага преподавал библейскую историю и латинский язык. Но преподавал не по заведенному издавна правилу «от сих пор до сих мест», а с рассуждением и снисходительностью. Ненавидел зубрежку. «Чем-то новым, живым, веяло от его уроков, — вспоминал Ф.Ф. Серно-Соловьевич; — а обращение с учениками всегда любезное и отеческое, сразу заставило полюбить как юного педагога, так и преподаваемые им предметы».

В Виленском духовном училище в то время, как и во многих духовно-учебных заведениях, в ходу была порка. Пороли за дело и без дела, виновного и невиновного, пороли и ученика, не знавшего урок, и его аудитора, отвечавшего за подготовку. Последним доставалось более всего, хотя это были воспитанники из десятка лучших. За каждым аудитором закреплялось пять учеников, за подготовку каждого из которых они и несли ответственность — «шкурой». Порка же была, по воспоминаниям Серно-Соловьевича, самая безобразная и беспощадная, озлоблявшая мальчишек и дурно влиявшая на их юные сердца. Иеромонах Смарага был категорически против порки, но отменить ее не мог, так как ярым защитником экзекуций был смотритель училища архимандрит Мелетий. Зато в своих классах по своим предметам молодой инспектор совершенно изгнал розги. Малоспособных он лично готовил к урокам или поручал это дело надзирателям и лучшим ученикам, к тому же к «слабым» не был так

требователен, как к способным лентяям, которых вразумлял добрым отеческим словом.

«Полюбил и я душевно, всем своим детским сердцем (мне было тогда 11 лет отроду), своего педагога-воспитателя, и шел по его предметам первым учеником», — вспоминал Серно-Соловьевич¹⁵.

Впрочем, влияние иеромонаха Смарага сказалось на успеваемости Федора не только по его предметам, но и в целом. По итогам 1865/66 учебного года он оказался вторым учеником в разрядном списке успеваемости¹⁶, несмотря даже на приключившуюся с ним болезнь. Недели за две до экзаменов первой трети у Федора на левой руке разболелся палец. Оказалось, что необходимо хирургическое вмешательство. На операции присутствовал иеромонах Смарага, всячески стараясь ободрить и поддержать несчастного мальчишку. Все же во время вырезания фельдшером «тупым ланцетом нарощего дикого мяса» Федор впал в глубокий обморок, но когда очнулся, то увидел у своей больничной койки все то же доброе, приветливое лицо инспектора.

— Ну, вот и ничего! Я же говорил тебе, что тут ничего серьезного нет! Отдохни немного, успокой нервы, да и приходи на экзамен. Имей в виду, что в представленных мною списках в правление училища я по своим предметам поставил тебя первым учеником. Воображаю, как обрадуются твоим успехам родители, к которым ты поедешь на веселые Рождественские святки!

«Эти слова сразу меня исцелили, — вспоминал Серно-Соловьевич, — и в душе моей загорелась та искорка благородной гордости, которую поговорка выражает в словах “не ударить лицом в грязь”». Экзамен он сдал блестяще. Радовался сам, радовался и его наставник.

Но радость скоро сменилась неприятными переживаниями. Учитель пения и церковного устава — регент архиерейского хора М.И.

Успенский — сказал Федору, что берет его в свой хор, поскольку мальчик обладает хорошим слухом. Известие это огорчило Серно-Соловьевича. Дело в том, что тогда в Литовской епархии по инициативе митрополита Иосифа (Семашко) и Виленского генерал-губернатора графа М.Н. Муравьева восстанавливалось и возобновлялось множество храмов. Освящение их по политическим соображениям должно было совершаться самым торжественным образом и непременно при участии архиерейского хора, который состоял тогда исключительно из воспитанников духовных училища и семинарии. Но при постоянных разъездах на освящение церквей по всей Литовской епархии архиерейские певчие волей-неволей вынуждены были отказываться от полноценной учебы. Возможно, кого-то это устраивало, но Федора Серно-Соловьевича не совсем. Впрочем, у него были и другие мотивы. А поскольку Успенский был любимцем митрополита Иосифа, то каждое его слово относительно выбора в певчие получало санкцию митрополита. «Сознаюсь, — вспоминал Серно-Соловьевич, — что не так пугало меня участие в этом хоре то, что я буду “пропускать уроки”, как то, что я лишен буду права ездить на святки, святую и кануны к своим родителям». Тогда Федор обратился к отцу Смарагду, который нашел выход, зачислил его в семинарский — «ректорский» хор. До конца жизни Серно-Соловьевич был благодарен за это своему покровителю-инспектору, ведь многие из его школьных товарищей-певчих по малоуспешности так и не дошли до семинарии, и многие из них впоследствии остались простыми причетниками.

Летом 1866 г. от холеры умерла мать Федора. Когда в сентябре он вернулся с каникул в училище и пришел в инспекторскую комнату, чтобы доложить о прибытии и сдать отпускной билет, невольно расплакался.

— Что с тобой, мой милый? Или кто из старших тебя обидел? — участливо поинтересовался иеромонах Смарагд.

— Отец инспектор, мать моя умерла! Не могу забыть ее! Я теперь сирота!

Тогда и отец Смарагд прослезился и молча отвернулся к иконе в углу комнаты. Помолвился, а потом благословил Федора, сказав: «Милый мальчик, и я в твои годы лишился своей родной матери! Горько сиротскими слезами я точно так же плакал, как плачешь и ты!.. Понес я еще и другую более дорогую потерю: на втором году своей семейной жизни я, молодой священник, имея лишь 24 года от роду, лишился своей жены; она также умерла, как и твоя мать; и вот я теперь на главе своей ношу черный монашеский клобук: это траур, вечный траур, никогда не снимаемый, по данному мною обету! Но ты, мальчик, не поймешь этого моего горя. Для меня моя мать была дорога, ох, как дорога! Я любил ее за то, что она моя мать, за то, что она вложила в мое сердце только одно добро, за то, что она приучила меня переносить, с христианским смирением, все житейские невзгоды; но моя жена, безвременно оставившая меня сиротой-вдовцом, тоже дорога была мне!» При последних словах отец Смарагд зарыдал.

В конце 1866 г. смотрителя Виленского училища архимандрита Мелетия перевели на должность инспектора Литовской духовной семинарии, а на его место назначили иеромонаха Смарагда. Завелись новые порядки. Отец Смарагд стал позволять воспитанникам вечерние рекреации, во время которых устраивались и домашний театр, и детские игры. Ученики знали, что он любит пение, и исполняли из своего репертуара его любимые народные песни: «А мы просто сеяли», «Эй, ухнем», «Березу», «Вниз по матушке» и пр. Певцов отец Смарагд щедро угощал лакомствами и чаем. Кроме того часто устраивал для воспитанников загородные прогулки, где сам принимал участие во всевозможных детских играх.

Когда в феврале 1867 г. в училище появился тиф, в числе нескольких десятков вос-

питанников заболел и Федор. Его болезнь осложнилась еще и воспалением легких, так как шла масленичная неделя и ни училищный врач, ни фельдшер не показывались в училищной больнице — гуляли. Тогда смотритель вынужден был пригласить в училище частного врача. Полтора месяца пролежал Федор в постели. Пока ученики болели, иеромонах Смарагд, несмотря на предостережения врача об опасности заразиться, по несколько раз на день навещал их в больнице, исполняя обязанности брата милосердия. «Училище, — вспоминал Серно-Соловьевич, — благодаря его отеческому уходу за больными, обязано было этому современному самарянину тем, что у нас не было ни одного смертного случая во время этой страшной эпидемии».

Иеромонах Смарагд оказался талантливым проповедником, и уже первой своей проповедью обратил на себя внимание митрополита Иосифа (Семашко). Тот, оценив по достоинству его ораторский талант, назначил отца Смарагда проповедовать с церковной кафедры вне очереди, в особые торжественные дни, и при этом освободил его проповеди от предварительной духовной цензуры. За одну из своих проповедей, произнесенную 14 апреля 1868 г. в храме Свято-Духова монастыря в день памяти виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, иеромонах Смарагд и пострадал. Новый Виленский генерал-губернатор А. А. Потапов усмотрел, а вернее ему помогли усмотреть, в ней некий политический намек. Спустя три дня иеромонаха Смарагда в сопровождении чинов жандармского корпуса отправили ночью в Петербург. В духовном училище известие об этом глубоко опечалило воспитанников. Спустя две недели отец Смарагд прислал на имя нового смотрителя письмо, в котором, посылая ученикам свое благословение, извинялся, что не мог с ними проститься лично...

В столице иеромонах Смарагд имел большие неприятности и даже вызывался в

Третье отделение, а через несколько месяцев его отправили в Константинополь священником посольской церкви. В «ссылке» злополучный проповедник провел семнадцать лет. В сентябре 1885 г. его хиротонисали во епископа Ковенского, викария Литовской епархии, а спустя год он скончался. Ф.Ф. Серно-Соловьевич встретился еще раз со своим незабвенным учителем незадолго до его смерти, но об этом речь впереди.

Окончив духовное училище, Федор продолжил учебу в Литовской духовной семинарии. По успеваемости он всегда шел в десятке лучших учеников¹⁷ и имел желание получить высшее образование. Благо в это время уже действовал новый устав 1867 г., разрешавший выпускникам семинарий поступать в университеты. Воспользовавшись этим обстоятельством, семинаристы стали массово поступать в высшие учебные заведения. Обычно это делалось после четвертого класса. Точно так же и Серно-Соловьевич после четвертого класса поступил в 1873 г. на юридический факультет Петербургского университета. Он пошел по стопам старшего брата Хрисанфа, который после окончания в 1867 г. Литовской духовной семинарии и, будучи направлен «волонтером» в Петербургскую духовную академию¹⁸, поступил на юридический факультет в университет.

В годы учебы Федор слыл студентом-идеалистом — «религиозный, скромный, благовоспитанный семинарист стал увлекающимся всем хорошим, честным, благородным»¹⁹.

В Петербурге у него имелись родственники — семья покойного дяди Александра Константиновича Серно-Соловьевича, служившего в столице помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Дядя умер 5 февраля 1871 г., когда Федор еще учился в семинарии. Поддерживал ли он в столице общение с семьей дяди? Вполне возможно.

В 1877 г. Ф.Ф. Серно-Соловьевич окончил университет в звании кандидата на судеб-

ные должности. Служил в Москве, Одессе и других местах, нередко бывал в командировках. К этому времени относится начало его публицистической деятельности. 5 сентября 1878 г. в московской газете «Современные Известия», издаваемой Н.П. Гиляровым-Платоновым была помещена первая статья Ф.Ф. Серно-Соловьевича «Наши просветители». С того времени он начинает публиковаться в разных периодических изданиях.

В начале 1880-х гг. Ф.Ф. Серно-Соловьевич получил место судебного следователя в Минской губернии, а в декабре 1883 г. перешел на ту же должность в Минск, где в то время служил сначала помощником губернского прокурора²⁰, а затем членом Окружного суда Хрисанф Федорович Серно-Соловьевич²¹. Видимо он и помог младшему брату с протекцией о переводе в родную Белоруссию.

8 ноября 1885 г. Ф.Ф. Серно-Соловьевич по служебным делам приехал в Вильно. По дороге с вокзала в город он неожиданно встретил бредущего медленной походкой епископа Смарагда — своего училищного наставника и благодетеля. Обрадованный встрече, Серно-Соловьевич соскочил с извозчика и как мальчишка побежал к нему под благословение.

— А, здравствуйте мой хороший ученик! — приветливо обратился преосвященный, узнав своего давнего ученика. — Хотите благословения? Так поддержите мою трость; видите, левая рука моя занята портфелем, а правая держит трость.

Благословил.

— Ну, что же, посох свой епископский приходится употреблять Вам, владыка, в дело среди иноверной паствы? — поинтересовался Серно-Соловьевич.

— Это Вы насчет моей программы? Нет пока, а придется. Я ведь здесь без году не-

деля, как говорится, не расмаковал еще, так сказать, нынешней латино-польской пропаганды. Но теперь другие времена, совсем не те, какие были при Потапове. Миром да любовью можно все сделать и всего достичь. Ну, а если это невозможно, посох сделает свое дело. Беда только, что меня поздно сюда назначили: сил не хватает, кашель и одышка не дают мне покоя, пройду вот десять шагов и отдыхаю, стою на тротуаре, а прохожие воображают, что я остановился с тем, чтобы они подходили ко мне под благословение. Как хотите, а я вполне уверен, что дни мои сочтены. Да, поздно вспомнили обо мне! Не тот я, каким был семнадцать с половиной лет тому назад и каким Вы знали меня, когда я был вашим смотрителем... Грустно!

Серно-Соловьевич проводил епископа Смарагда до архиерейских покоев Свято-Духова монастыря и хотел распрощаться.

— Что же? Разве отказываетесь выпить чашку чая со своим прежним учителем? Возгордились, что ли? Еще бы — судебный следователь!

— Но не Третьего отделения, — прервал иронию Серно-Соловьевич.

— Нет, что Вы! Я шучу. Пойдемте ко мне!

Было еще около девяти утра, а преосвященный Смарагда уже успел побывать с докладом у правящего архиерея — епископа Алексия.

«Час времени, проведенный мною в дружеской простой беседе с преосвященным Смарагдом, посвященной воспоминаниям прошлого, показался мне минутой», — вспоминал Серно-Соловьевич. Но ему нужно было торопиться в город по делам службы, а преосвященному собираться в Ковно, куда поезд уходил в 11 часов утра. На прощанье они троекратно облобызались и Серно-Соловьевич, получив благословение, покинул архиерейские покои. Не

знал он тогда, что это было последнее его свидание с епископом Смарагдом²².

В 1887 г. Ф.Ф. Серно-Соловьевича назначили на должность мирового судьи 2-го участка в Слуцк — родной город его предков. Одновременно он состоял непрерывным членом Съезда мировых судей. Однако разные жизненные обстоятельства, отчасти интриги, вынудили титулярного советника Серно-Соловьевича подать в 1891 г. в отставку. «Отставка его, — пишет современник, — не была вызвана какими-нибудь неблагоприятными поступками: он честно и ревностно исполнял свои обязанности»²³.

Из Слуцка Серно-Соловьевич с семьей — женой и двумя детьми — уехал на жительство в Вильно, где стал неизменным сотрудником «Виленского Вестника» и других периодических изданий, добывая себе средства к жизни исключительно пером. Впрочем, была еще небольшая пенсия.

Более двадцати лет в общей сложности Серно-Соловьевич проработал на поприще журналистики. Он помещал статьи в «Современных Известиях», «Московском Телеграфе», «Свете», «Судебной Газете», «Русском Паломнике», «Новом Времени», «Московских Ведомостях», «Русском Слове», «Литовских епархиальных ведомостях», «Северо-Западном Слове», «Минских епархиальных ведомостях», «Минском Листке», «Историческом Вестнике» и др. Часто Серно-Соловьевич публиковался под псевдонимом «С—ч, Ф.». Статьи касались главным образом Северо-Западного края, где Серно-Соловьевич родился, воспитался, действовал, «который он горячо любил — принимал близко к сердцу его интересы и прекрасно изучил его». Относительно родного края Серно-Соловьевич всегда проводил ту мысль, что край этот исконно-русский, и что не обрусение его необходимо, а расползчивание, то есть возвращение его в прежнее — русское состояние. Вместе с тем статьи его служили ярким отражением

его личности: «в них сказывался, прежде всего, искренно-религиозный, глубоко-верующий сын Православной Церкви»²⁴.

Помимо статей в периодике, Серно-Соловьевич издал несколько отдельных брошюр. В 1892 г. вышла его брошюра «Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя»²⁵. В ней он с большой любовью воспроизвел образ пресвященного Смарагда как воспитателя, проповедника и пастыря. Подробно описал историю его опалы: опубликовал ту злополучную проповедь, по воспоминаниям очевидцев и документам восстановил хронику последующих событий. Описал константинопольский период его жизни, архиерейство, последние дни и кончину пресвященного. Так благодарный ученик отдал дань своему доброму учителю — поступок в высшей степени благородный!

Не забыл Серно-Соловьевич и родной город своих дедов и прадедов священников — древний Слуцк. В 1896 г. он в виде иллюстрированной брошюры издал исторический очерк «Древне-русский город Слуцк и его святыни»²⁶ — литературный труд, благодаря которому сегодня, в общем-то, и известно имя Федора Федоровича. Конечно, если рассматривать очерк критически, то в первую очередь обращает внимание диспропорция излагаемого материала, отчего содержание лишь отчасти соответствует названию, поскольку главное место в брошюре отведено Слуцкому Троицкому монастырю. Встречается в очерке немало и фактологических ошибок. Кроме того автор делает заявления, совершенно не соответствующие исторической действительности. Пишет, например: «Но если Слуцк выстрадал много и в политическом, и в материальном отношении, зато во все время смут он крепко, высоко и гордо держал знамя православия от начала своего основания до настоящего времени. Ни один иезуит не смел сюда показаться для проповеди и между населением ни один из православных случан не изменил вере своих пред-

ков, не перешел в унию или католичество». Конечно, это не более чем декларативное заявление. Ведь известно, что в Слуцке распространялись и протестантизм, и католичество, да и иезуиты свободно обосновались в нем, устроив даже свой коллегийум.

На это обращали внимание и критики. В том же году в «Литовских епархиальных ведомостях» вышла библиографическая заметка на брошюру Серно-Соловьевича, автор которой, указывая на некоторые ее недостатки, вместе с тем писал, что это «вещь довольно интересная и полезная, и потому может быть рекомендована в народные и ученические библиотеки».

Вообще брошюра Серно-Соловьевича о Слуцке замечательна сама по себе, самым фактом своего появления.

К сожалению, Ф.Ф. Серно-Соловьевич ушел из жизни довольно рано — на 43 году жизни. Скончался он в первых числах февраля 1899 г. На похоронах 5 февраля кроме близких родственников, друзей, сотрудников «Виленского Вестника», представителей «Северо-Западного Слова», присутствовало еще много почитателей и доброжелателей. Отпевание совершил ректор Литовской духовной семинарии архимандрит Иннокентий в сослужении архимандрита Варфоломея. У могилы редактор «Виленского Вестника» сказал слово.

По воспоминаниям знавших Серно-Соловьевича людей, это был «добрейшей души человек, прекрасный, отзывчивый товарищ». В общественной жизни он ставил своей целью высокий идеал человека-гражданина, который «понимал прямо и широко без всяких лукавых мудрствований»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ф.Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. — 1899. — № 7. — С. 85.

² Серно-Соловьевич, Ф.Ф. Царская милость императрицы Екатерины Великой. Из семейных преданий (по поводу 100-летия со дня кончины «Матери Отечества». — Москва : Типо-лит. И. Ефимова, 1896 (ценз). — 4 с.

³ Щеглов, Г.Э. Пресвященный Виктор Садковский, первый Минский архиепископ. — Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2007. — С. 62—67.

⁴ Дело об арестовании поляками Пресвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 г. / С.Г. Рункевич // Минские епархиальные ведомости. — 1892. — № 14. — С. 415—416.

⁵ Щеглов, Г.Э. Указ. соч. — С. 68—69.

⁶ Там же. — С. 73-77.

⁷ Там же. — С. 79.

⁸ Рункевич, С.Г. История Минской архиепископии (1793-1832): С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1794—1796 гг. / С.Г. Рункевич. — Санкт-Петербург : Тип. А. Катанского и К., 1893. — С. 142—146.

⁹ Там же. — С. 244.

¹⁰ Серно-Соловьевич, Ф.Ф. Царская милость императрицы Екатерины Великой. Из семейных преданий (по поводу 100-летия со дня кончины «Матери Отечества» / Ф.Ф. Серно-Соловьевич. — Москва : Типо-лит. И. Ефимова, 1896 (ценз). — С. 4.

¹¹ Серно-Соловьевич Федор Иванович (1794 — после 1841). — Сын священника. Образование получил в Минской духовной семинарии (в Слуцке) и Киевской духовной академии (1816), после окончания которой получил должность преподавателя грамматики и французского языка в род-

ной семинарии. После ее преобразования в 1817 г. назначен в Слуцкое уездное училище учителем низшего отделения. В 1819 г. уволился из училища и поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, где первоначально занимал должность помощника столоначальника, затем столоначальника. В 1833 г. назначен начальником 1-го отделения Департамента. В 1834 г. определен на должность прокурора Греко-униатской коллегии, но вместе с тем был оставлен «для занятий» при прежнем месте службы. В декабре 1837 г. по Высочайшему повелению был командирован в Белорусскую (бывшую Греко-униатскую епархию) по делам, «относящимся до церквей той епархии». Видимо, поручение это было связано с подготовкой воссоединения униатов с Православной Церковью, состоявшегося в 1839 г. Тогда же Греко-униатская коллегия была переименована в Белорусско-Литовскую духовную коллегия, прокурором которой С.-С. оставался до ее закрытия в 1843 г. К тому времени С.-С. имел чин коллежского советника и ордена Св. Станислава 3 и 4 ст.

¹² Российский государственный исторический архив. — Ф. 134-а. — Оп. 3. — Д. 2031.

¹³ Рункевич, С.Г. Указ. соч. — С. 419.

¹⁴ Серно-Соловьевич, Ф. Смарага, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. — С. 2.

¹⁵ Там же. — С. 2-4.

¹⁶ Разрядный список учеников Духовных уездных училищ, Литовской Епархии, за 1865/66 учебный год // Литовские епархиальные ведомости. — 1866. — № 14. — С. 556.

¹⁷ Серно-Соловьевич, Ф. Смарага, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. — С. 4-8.

¹⁸ Там же. — С. 9—16.

¹⁹ Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — высший орган политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II (с 1826 по 1880 г.), занимавшийся надзором за политически неблагонадежными лицами и сыском.

²⁰ Разрядный список учеников Литовской Духовной Семинарии, составленный после годичных испытаний в июне 1872 г. // Литовские епархиальные ведомости. — 1872. — № 13. — С. 479.

²¹ Разрядный список учеников Литовской Духовной Семинарии, составленный после испытаний в Июле 1867 г. за двухгодичный курс 1865/1867 гг. // Литовские епархиальные ведомости. — 1867. — № 13. — С. 523.

²² Ф.Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. — 1899. — № 7. — С. 85.

²³ Серно-Соловьевич Александр Константинович (1824-02(05).02.1871). — Родился в Белоруссии в семье православного протоиерея Константина Сампсоновича Серно-Соловьевича. В 1848-1857 гг. был старшим учителем русского языка и словесности в Ревельской гимназии; в 1857-1859 гг. — инспектор казенных училищ Дерптского округа и в 1859-1863 гг. — инспектор; в 1863-1865 гг. — окружной инспектор Дерптского округа; в 1865-1868 гг. состоял помощником попечителя Виленского учебного округа, затем переведен на такую же должность в С.-Петербургский учебный округ и состоял в ней до смерти. Похоронен на Митрофаниевском кладбище. Автор: «О преподавании русской грамматики» (Ревель, 1850), «Практическая русская грамматика для немцев» (Ревель, 1853).

- ²⁴ Памятная книжка Минской губернии на 1885 г. — Минск : Типо-лит. Р. Дворжеца, 1884. — С. 50.
- ²⁵ Памятная книжка Минской губернии на 1883 г. — Минск : Типо-лит. Р. Дворжеца, 1882. — С. 50.
- ²⁶ Памятная книжка Минской губернии на 1885 г. — Минск : Типо-лит. Р. Дворжеца, 1884. — С. 49.
- ²⁷ Серно-Соловьевич, Ф. Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. — С. 27—28.
- ²⁸ Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 високосный год. — Минск: Губернская тип., 1887. — С. 318.
- ²⁹ Ф.Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. — 1899. — № 7. — С. 85.
- ³⁰ Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. — Москва, 1960. — Т. 4. — С. 431.
- ³¹ Ф.Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. — 1899. — № 7. — С. 85.
- ³² Серно-Соловьевич, Ф. Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. — 32 с.
- ³³ Серно-Соловьевич, Ф.Ф. Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами / Ф. Серно-Соловьевич. — Вильна : Тип. А. Р. Сыркина, 1896. — 38 с.
- ³⁴ Там же. — С. 3—4.
- ³⁵ Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. Составил Ф.Ф. Серно-Соловьевич. Вильна 1896 г. (Библиографическая заметка) // Литовские епархиальные ведомости. — 1896. — № 39. — С. 106-107.
- ³⁶ Ф.Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. — 1899. — № 7. — С. 85.